

прот. Александр Геронимус

Неделя Торжества православия

Первое воскресенье Великого поста называется Неделью Торжества православия. Прежде всего я хотел бы рассказать, каким образом возник этот праздник. Сейчас мы слова «торжество православия» воспринимаем в самом широком смысле и в молебне этого дня благодарим Бога и молимся за всю полноту Православной Церкви.

Но возник этот праздник в связи с конкретными духовно-историческими событиями, которые имели место в IX веке в Византии, в конце того периода, который в истории Церкви называется вторым периодом иконоборчества. Таким образом, Торжество православия ознаменовало конец иконоборческой ереси, окончательную победу иконопочитания. А поскольку во вселенском аспекте иконоборчество было последней ересью, то это одна из причин, но не единственная, по которой мы это событие понимаем как торжество православия в целом. Вопросы, связанные с иконопочитанием и иконоборчеством, актуальны не только для периода VIII–IX веков. После победы иконопочитания они не потеряли своей актуальности, но как и всё, связанное с догматами, имеют вечное значение.

Еще задолго до начала первого периода иконоборчества были христиане, не принимавшие почитания святых икон.

В частности, епископ Евсевий, церковный историк, живший в IV веке, современник Константина Великого, когда речь шла о том, чтобы преподнести кому-то из царского дома икону Спасителя, по свидетельству документов, восставал против этого и против икон вообще, против того, что Бог может быть описан, что Он может быть изображен красками. Высказывания иконоборческого характера существовали достаточно давно, но они имели частный характер и не приводили к конфликтам, которые затрагивали бы все церковное общество.

Так называемый первый период иконоборчества начался при императоре Льве по прозвищу Исавр, поскольку он был родом из малоазийской области Исаврии. На

причинах возникновения иконоборческого движения мы сейчас останавливаться не будем, тем более, что когда речь идет об исторических событиях, то не бывает единого мнения, какие причины вызвали те или иные исторические события; обычно это совокупность причин. Так или иначе, успех или неуспех этого движения исторически зависел от того, какую позицию занимал император. Забегая вперед, можно сказать, что это типичная ситуация. Император Лев в военном и экономическом отношении сделал очень много для процветания Византии, и его авторитет способствовал успеху его иконоборческой политики. Если рассмотреть совершенно другую историческую ситуацию, это аналогично тому, как это было при Петре Первом в России: Петр, например, не жаловал монахов, считая весь институт монашества помехой к развитию государства. Таким же образом Лев Исавр преследовал всех, почитавших иконы: монастыри, духовенство, народ, особо представленный, как подчеркивается во всех исторических хрониках, женщинами. Например, когда Исавром был брошен «пробный камень», а именно один из его воинов попытался разгромить стоящее в центре Константинополя металлическое статуарное изображение распятого на Кресте Господа Иисуса Христа, он был предан толпой самосуду. Эта толпа, как говорится в хрониках, состояла по большей части из женщин и монахов. За это в свою очередь последовали репрессии со стороны императорской власти. Нам еще важно отметить, что ни разу иконоборцы не выступали против почитания изображения Креста Христова, они выступали именно против изображений иконописных. Поэтому воин, сохранив крест, не просто демонтировал оттуда изображение Господа Иисуса Христа, а символически нанес топором по лику несколько ударов. Так начался первый иконоборческий период, который проходил на всех уровнях.

В 754 г. был созван первый иконоборческий собор, в котором участвовало очень много епископов, искренне ссылавшихся на большое число текстов Ветхого Завета, начиная с заповеди Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу (Исх.20:4). В Ветхом Завете, конечно, легко набрать очень много цитат, которые можно интерпретировать как иконоборческие, т. е. как запрещающие изображение Бога. Ссылались в том числе и на упомянутого мною епископа Евсевия, который был арианином и святительствовал при Константине Великом. После этого при императоре Константине Копрониме иконоборчество продолжалось до периода царствования св. императрицы Ирины и патриаршества свт. Тарасия, при которых в 787 г. состоялся Седьмой Вселенский Собор. На этом

последнем Вселенском Соборе иконоборчество было признано ересью и принято соборное постановление о почитании святых икон.

Но тем не менее вскоре иконоборчество возобновилось, и после короткого перерыва снова на трон взошли императоры-иконоборцы. Это очень сложная история, и нашей задачей не является вникать во все перипетии. Начался так называемый второй период иконоборчества. И завершился он уже в IX веке, в 843 г. Кстати говоря, такая историческая ситуация возникновения ереси и победы над ней была и раньше. На Первом Вселенском Соборе была осуждена ересь арианства, но вскоре после этого она распространилась заново повсеместно: императоры были арианами, все епископы, кроме нескольких, были арианами, и только на Втором Вселенском Соборе была одержана окончательная победа над арианством.

Аналогичная ситуация, хотя и на совершенно другом материале, повторилась. После того, как на Седьмом Вселенском Соборе ересь иконоборчества была преодолена, она снова возобновилась.

Последним и самым последовательным иконоборцем был император Феофил, супруга которого императрица Феодора была иконопочитательницей. Есть много преданий, которые рассказывают о том, как император застигал свою супругу и своих детей за поклонением иконам, как они оправдывались. Предание, которое содержится в Синаксаре на службу Торжества православия, состоит в том, что император Феофил тяжело заболел, и императрица Феодора молилась о его жизни и о том, чтобы он отступил от погибельной ереси. В видении ей уже представлялось, как он истязуется немилосердно за свою ересь. Но она вымолила ему прощение, и предание говорит о том, что он уже перед своей кончиной покаялся в иконоборческой ереси, облобызал иконы и в мире предал свой дух Господу.

На этом история не кончилась. Императрица вызвала из ссылки всех тех иконопочитателей, которые были сосланы и преданы всевозможным репрессиям и мукам. Одного из них, например, звали Феодор Начертанный, потому что, по преданию, на его лице каленым железом были написаны слова, хулящие его как иконопочитателя. Все они были возвращены в Константинополь, и на первое воскресенье Великого поста того 843 г. был назначен торжественный крестный ход, на котором должны были предать анафеме императоров и патриархов-иконоборцев,

в том числе, конечно, и императора Феофила. И императрица Феодора стала умолять всех иконопочитателей, чтоб они ее супруга не включали в этот список. Эта идея в восторг их не приводила, потому что они натерпелись от него существенно; но, тем не менее, она молилась, они молились, и чудо по ее молитвам совершилось: когда свиток развернули, оказалось, что Феофила среди еретиков нет. Таким образом, 11 марта 843 г. был совершен по всему Константинополю торжественный крестный ход, который собственно и получил название Торжества православия.

Теперь, коль скоро я постоянно говорю, что темой этих бесед является проникновение в тот богословский материал, который нам предоставляет Великий пост, обратимся к вопросу, какое отношение имеет догмат об иконопочитании, сама практика иконопочитания к основному содержанию Великого поста. Пока что речь шла об историческом совпадении, заключающемся в том, что событие, о котором я рассказывал, произошло на первой неделе Великого поста. Оно могло бы с таким же успехом произойти в любой день года, не имеющий никакого отношения к Великому посту. В действительности эта тема – икона – очень тесно связана с содержанием нашего духовного пути и, в частности, с темой Великого поста. Для того чтобы это понять, мы должны перевести внимание с рукотворенных икон, о которых идет речь в иконопочитании в узком смысле слова, к иконам нерукотворенным, или к нерукотворенным образам. Таким нерукотворенным образом является человек. Человек создан по образу и подобию Божию, он является образом Божиим. Из этого вытекают важные, в том числе для пути нашего покаяния, выводы, касающиеся отношения к человеку.

Во-первых, очевидно, что если человек является образом Божиим, то каждый человек предполагает уважение и почитание. Очень существенно, что необходимой составляющей иконы является надпись – имя того, кто на ней изображен. Икона без надписи – не икона. Если сейчас иконы освящают святой водой, а еще когда-то их помазывали миром, то еще раньше их вообще не освящали и не помазывали, потому что считалось, что их освящает имя. В том восприятии, которое соответствует Библии³, имя – это не случайный знак и не случайный символ: оно само уже является свернутой иконой. И внешним проявлением непочитания образа Божия в человеке являются те клички или прозвища, которые иногда мы употребляем, когда говорим о наших близких, например, Ванька, Сашка, Петька, Машка... Конечно, мы

не на букву должны смотреть, а на дух, можно так говорить и при этом глубоко почитать человека, но вместе с тем имя тоже существенно для почитания.

Второй вопрос, на который проливает свет догмат о почитании святых икон: мы почитаем человека не потому, что общение с ним является для нас назидательным, а потому, что он является образом Божиим, и в этом отношении никакого различия между людьми нет. Если от общения с каким-нибудь ученым, или очень добрым и мудрым человеком мы можем получать благочестивое назидание, то (по крайней мере при поверхностном взгляде) от общения с человеком, страдающим, например, недугом пьянства, какое уж назидание! – это мы должны его назидать. Но при более глубоком взгляде это неверно, и всякий человек носит в себе образ Божий, на этом и основан акт почитания. Если мы будем помнить об этом, то можем получить от общения с такими людьми еще большее назидание для себя.

Недавно один наш современник сказал, сославшись на какую-то восточную мудрость, что человек проходит в жизни четыре стадии: первая – когда он учится, вторая – когда он учит, третья – когда он уходит в безмолвие или отшельничество, и четвертая – когда он абсолютно со всеми людьми общается, у всех спрашивает совета, стараясь научиться разуму. Это высокая степень – если мы исходим из того, что человек является образом Божиим, и именно так к нему относимся. Тогда нам не важно, какой это человек. Конечно, когда этот человек – наш ближний и нам с ним очень трудно, то почти невозможно от трудностей отвлечься; но это уже другой вопрос.

Богословие иконы также дает нам понимание того, что человек хоть и является иконой, иконой прекрасной и древней, но в результате и первородного греха, и, в особенности, тех страстей, которые он приобрел в своей земной жизни, эта икона нуждается в многократном очищении и тщательной реставрации. Как у Пушкина: «Художник-варвар кистью сонной картину гения чернит». Эту работу осуществляет над каждым человеком Бог.

Я хочу обратить ваше внимание, что все мы в определенных обстоятельствах можем оказываться и пасомыми, и пастырями. Поэтому образ деятельности человека и как реставрируемого, и как реставратора является очень важным и очень многому учит. Мы на первой седмице Великого поста слышали об этом, когда молились за чтением

Великого канона Андрея Критского: «Погребох первого образа доброту, Спасе, страстьми, юже яко иногда драхму взыскав обрящи», «Аз есмь, Спасе, юже погубил еси древле царскую драхму; но... взыщи и обрящи Твой образ».

«Погребох первого образа доброту...» Это обращение к Богу как бы со стороны заляпанной иконы, которая просит у Бога очищения, так чтобы на дне воссиял тот первоначальный и прекрасный Образ, по Которому мы созданы. Об этом говорится в святом Евангелии применительно к состоянию, достигаемому в полноте Царствия Небесного: Тогда праведники воссияют как солнце в Царстве Отца их (Мф.13:43). Но когда мы выступаем как реставраторы, это налагает на нас очень большую ответственность. Работа реставратора – очень тонкая, чтобы не повредить первоначальный образ, очень медленно и тщательно снимают слой за слоем. И таким реставратором является в первую очередь Господь, Который бесконечно уважает безграничную свободу сотворенного Им человека и действует очень деликатно и тонко. А мы иногда забываем об этой бесконечной деликатности, в то время как о ней прямо говорится в святом Евангелии, в частности в притче о плевелах на поле.

Другую притчу предложил Он им, говоря: Царство Небесное подобно человеку, посеявшему доброе семя на поле своем; когда же люди спали, пришел враг его и посеял между пшеницею плевелы и ушел; когда взошла зелень и показался плод, тогда явились и плевелы. Придя же, рабы домовладыки сказали ему: господин! не доброе ли семя сеял ты на поле твоём? откуда же на нём плевелы?

Он же сказал им: враг человек сделал это. А рабы сказали ему: хочешь ли, мы пойдем, выберем их? Но он сказал: нет, – чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали вместе с ними пшеницы, оставьте расти вместе то и другое до жатвы; и во время жатвы я скажу жнецам: соберите прежде плевелы и свяжите их в снопы, чтобы сжечь их, а пшеницу уберите в житницу мою (Мф.13:24–30).

Потом притча в Евангелии растолковывается, вы знаете это толкование. Это притча грозная. Потому что мы, и священники в том числе, часто берем на себя смелость судить, что плевелы, а что пшеница, авторитарным образом давить на человека, и результат бывает ужасен.

Смертельно заболела одна молодая девушка, она была в общем-то верующей, но нецерковной. Когда ее церковные друзья поняли, что дни девушки сочтены, они упросили, чтобы она согласилась принять священника для напутствия перед смертью. К ней пришел молодой священник, она стала очень откровенно говорить ему о том, что для нее составляло самую главную ценность жизни, а самой главной ценностью ее жизни была поэзия. И священник стал говорить, что поэзия демонична или, в лучшем случае – просто суета, чтобы она перестала об этой ерунде думать на смертном одре... В общем, больше она уже священника не звала. Такие грубые вмешательства, к сожалению, имеют место; этого надо избегать.

Мы часто поступаем таким образом не только по отношению к другому человеку, но и по отношению к самим себе. Когда мы в течение Великого поста совершаем свое покаяние, существуют, конечно, такие вещи, которые наша совесть без всяких сомнений судит как грех, и в этом случае грех есть грех. Но чаще мы должны свою душу Богу представлять такой, как она есть, предоставляя судить, что хорошо и что плохо, не себе, а Богу. Пусть Бог Сам пропалывает и Сам в таинстве Покаяния деликатно очищает ее. Потому что самые глубинные стороны нашей души – те, где добро и зло, которые разделятся только в день Страшного Суда, находятся в таком переплетенном состоянии, что лучше не нам самим их различать, а предоставить это дело Богу. Таинство исповеди так называется в том числе и потому, что Бог таинственно, невидимым для нас самих образом эту прополку, это разделение осуществляет.

Когда я служил на своем первом приходе, далеко от Москвы, квартировался у одной пожилой женщины, которая была своеобразным человеком. Она напоминала мне героиню рассказа Солженицына «Матренин двор». Такая блаженная бабушка, но по сравнению с Матреной более активная. Она очень любила вслух рассуждать. Вот, скончался сосед, и она вслух рассуждала, простит ему Господь его грехи или не простит. Она перебирала так: «Ой, какой он жадный был! Но Господь милостив, простит. Он и на жену свою руку поднимал. Господь милостив, простит. Но ведь он людям правду говорил! Вот это Господь может не простить». Так что она смотрела на вещи очень глубоко.

прот. Александр Геронимус. Беседы на Великий Пост.